
Евгений ЖУРАВЛИ

РАССКАЗЫ

Из цикла «Линия соприкосновения»

ВИКТОР ЗАВАДСКИЙ

Летом 2022 года я отправился на донбасскую войну с самыми худшими ожиданиями. Не хотел участвовать, тем не менее поехал. Вообще-то, я человек мирный и избегающий агрессии, можно сказать, даже излишне добрый. Профессиональные навыки мои сугубо гражданские, к армии никогда не имел никакого отношения. Но с новостных лент и сообщений знакомых приходили такие угнетающие вести, что после долгих сомнений все же купил билет в один конец. К тому времени видимая часть моей жизни пребывала в полной гармонии. Юная художница Лия, с которой мы изредка пересекались ради почти творческих экспериментов, присвистнула, как-то увидев цифры онлайн-банка на моем телефоне. Юная поэтесса Кэт, иногда помогавшая Лии в наших изысканиях, вознесла удивленный томный взгляд на подругу, остановив кручение ключа моего нового авто на своем тонком пальце. Прочие аспекты жизни тоже не выглядели увядающими. Все хорошее происходило будто само собой. Дверной косяк в квартире был исчиркан разными рисками, некоторые уже превысили мой собственный рост. Диссертация была написана и ожидала рецензий. Фирма работала стабильно. К тому же наконец вышла первая книга.

Сам не вполне понимаю, почему решил поставить точку на своей жизни. Точнее всего назвать это неизбежностью. Хочется думать, та неизбежность состоит из совести и неравнодушия. Но может, это был просто побег. Неизвестно от чего, но оставаться было невыносимо. Альтернатив не было. Что-то заставило. Должен — и все. Государства также неотвратимо стремились к своему концу. Разноязыкие ленты новостей призывали к мщению, возбужденные энтузиасты шумели внезапными новостями и навязчивой символикой, обычные граждане по фатальной привычке делали вид, что их все это не касается. Но чувствовалось — коснется всех. Ощущалось какое-то дежавю. Мрачная неумолимость уже бурлила где-то под беспечной гладью. Что-то подобное помнилось из юности, когда вчерашние хулиганы преисполнились идей, уважаемые люди пророчили всем самые радужные перспективы, а усталые родители вечерами озабоченно переглядывались у телеэкранов.

Так или иначе, я не смог смотреть, как шестеренки войны густо смазываются жизнями людей Донбасса. То, к чему все шло, давно вызывало приступы бессильного бе-

Евгений Вячеславович Журавли родился в 1979 году в г. Ярцево. Окончил Калининградский госуниверситет (БФУ им. Канта) по специальности «Технология и предпринимательство», в 2020 году аспирантуру БФУ им. Канта по специальности «История философии». Предприниматель, исследователь, путешественник (Кавказ, Балканы, Афганистан, Иран). В 2015–2016 и 2022–2023 годах волонтер Донбасса. Проза и стихи опубликованы в журналах «Подъем», «Русское эхо», «Великороссы», «Южная звезда», «Бийский вестник», «Врата Сибири», «Лифт», «Молоко», «Балтика», «Берега». Живет в Калининграде.

шенства. Когда же наши ввели войска, просто выпал из реальности, удрученный, потому что все эти годы мечтал о решительных действиях иного рода. Долго надеялся, что государство решит за всех проблему. Вскоре стало очевидно: будущее туманно, наши отступают, а жителей Донбасса ждет самая незавидная судьба. Я захотел быть в этот момент с ними. Почувствовал облегчение, ступив на трап самолета. По прибытии, не обнаружив признаков связи в своем телефоне, ощутил покой.

Сотрудник военкомата долго вертел мои документы в руках. Сейчас, когда вспоминаю те первые дни, во мне неизменно запускается саундтрек — не торжество скрипок, не разухабистый бит, не зов Иоанновых труб, скорее, два или три различных фильма одновременно начинают во мне показ. Церковное пение в хрустящей тишине, треск рации и потустороннее давление саб-баса. Судя по первым нотам, не стоило рассчитывать на сюжет с хеппи-эндом. Мне объяснили, что, вообще-то, мне лучше через контракт в официальную российскую армию, где взвезят, обучат, сформируют и все такое. Если желаю прям так сразу, тоже можно, но тут ополчение — нет ощутимых выплат, отпусков, бронезилетов и даже обуви. Противник чуть ли не в черте города. Гроб найдется, но без излишеств. Сквозь решетку окна хмурилось высокое небо Донецка. Я сказал, пойдет. То, что мне нужно.

Поскольку рассказ не обо мне, а о Викторе Завадском, нехорошо тратить много времени на описание обстоятельств, приведших меня к знакомству с ним. Но все же, если быть до конца честным, эти обстоятельства как раз являются и причиной моих нынешних размышлений, и событиями, обусловившими нашу встречу. Нельзя не упомянуть тягостную атмосферу разочарования, охватившую в то время целые народы. Противники войны, ее сторонники, участники и их соперники, патриоты, предатели, завистники и сочувствующие — все наблюдали развитие событий, в том числе в собственных странах, не соответствующее их ожиданиям. Это вызвало соразмерное ожесточение. Никогда еще в мире не требовали так безапелляционно занять одну из сторон конфликта и признать все, даже мнимые, грехи за другой. Линия разлома прошла не только по континентам, но и внутри семей. Скажу про себя, но уверен, что и таким, как Завадский, полагающим, что реальность всегда сложнее примитивного деления на черное и белое, стало не по себе. Зловеще замаячила перспектива оруэлловских обществ, раньше казавшаяся сатирой. В душной атмосфере самоцензуры и ожидания худшего многие ощутили тотальное бессилие. Не исключением стал и я. Должен признаться, в тот момент, когда промямлил: «Да, согласен», мне стало дурно. Похожее испытываешь, подписавшись на какое-нибудь экстрим-приключение: сначала вроде ничего особенного, но вот какие-то люди пристегивают тебя к чему-то, хлопают по плечу, опора неотвратимо уходит из-под ног и... Что-то близкое к немой панике. Курица на конвейере. Холодок в животе. Неотвратимость.

Так я попал в «железные каски». Столь романтическое название через сотни лет, наверное, будет вызывать пышный ореол ассоциаций. На ум приходят эпические киношедевры вроде «Игры престолов» или «Принца Персии». Вымуштрованная фаланга закатанных в латы воинов, языки знамен трепещут на ветру... Реальность оказалась прозаичнее. Штатная амуниция — стальные шлемы времен Второй мировой, примерно тех же лет вооружение. Броник, обвес и нормальные боты предполагается добыть в бою. Зато есть длиннополая шинель. Реквизит, годный для исторического кино уже сегодня. Отделение, в которое я попал, занимало полуподвал и нижний этаж какого-то бетонного строения, не особо приспособленного для жизни. Верхние два этажа пустовали, потому что «если прилет, выкапывать, а не отскрести». Несколько помещений с нарами, хозпомещения. Питаться ходили через несколько улиц. Деятельность состояла в контроле определенного участка фронта и исполнении поступающих свы-

ше задач. Вообще-то, еще в военкомате я сказал, что предпочел бы что-нибудь бесконтактное. Я непритязателен в быту, хорошо готовлю, разбираюсь в пневмо- и гидросистемах грузовиков, хорошо управляюсь с небольшим коллективом. Крайне спокоен, не вздрагиваю от визга тормозов или громкого хлопка над ухом, легко угадываю в уме приблизительные значения громоздких вычислений. К тому же, по мнению художниц и поэтесс нашего города, здоров как конь. Но вот зрение мое довольствуется фиксацией общих черт окружающего мира, умея выделять из него лишь стройненькие фигуристые силуэты. Это в очках. Без очков же вынужден переходить сразу к делу либо спать. Таким образом, назначить меня стрелком или постовым — рискованная идея. Зато какая-нибудь работа для смертников, типа полевой артиллерии или прифронтового обеспечения, самое то. В итоге сказали, найдут применение на месте. Командир на месте выслушал, спросил, умею ли обращаться с оружием. Если честно, лишь раз держал в руках, ответил я, в детстве, в День Победы, правда, мама придерживала. Командир усмехнулся, вытянул из ящика за дуло потерявший автомат, сказал, что вот небось тот же самый, считай, повезло. И определил в наблюдение. Хорошо, не в снайперы, подумалось мне. Помявшись, выдал главный довод, который утаивал даже от себя: — Если придется выстрелить, боюсь, не смогу. В лицо не могу ударить. Ступор какой-то.

Со смущением вспомнил я заварухи, случавшиеся в жизни. Нет, случилось, бил, конечно. Но лишь перешагивая через табу. Сознательным усилием заставляя себя. А что если увижу в неожиданном месте непонятный силуэт? Командир поморщился, почесал переносицу:

— Ты как Завадский. Гуманисты, блин.

Так я впервые услышал это имя. Потекли будни, одинаковые своей похожестью. Выдвижение на передок, наблюдение, отход. Иногда спускался приказ проникнуть глубже на территорию, прочесать определенный сектор до соприкосновения, чуть подвинуть противника. Бывало, звучало и имя Завадского. «К кому? Да у меня тут сплошь дети либо доктора наук, кого мне в штурмовую группу?» — орал в такие минуты в телефон командир, косясь в том числе и в мою сторону. «Среди них тоже есть отороженные, что, я не знаю, что ли», — хрипело в ответ из трубки. Но оказалось, воинам нашей специфики стрелять ни в кого конкретно и не нужно. При опасности открывается заградительный огонь — шмалять во все стороны, где гипотетически может находиться противник, и молиться на артподдержку. Волнуясь, все строчат, не жалея патронов, нервно и суетливо отступают, а в безопасной зоне начинают без умолку хвастаться, ржать над каждым словом, безудержно хохотать. Так отпускает адреналин. Вспомнил, давным-давно, наблюдая, как дети, испугавшись аниматоров-монстров, постепенно вовлеклись в истеричную хохотливую круговерть, вывел для себя важную формулу. Веселье и паника есть одно. Истерика — способ существования при потере контроля. Такое слияние ужаса и восторга частенько видел и здесь. Повариха кидает половник на стол и уходит, проходящая начинает рыдать при нашем появлении, деды вытанцовывают кренделя, кто-то незнакомый бросается обниматься. И много-много непонятных слез.

Конечно, страшно. Постоянные прилеты. То тут, то там наобум складывают застройку. Лично от тебя ничего не зависит. Нутро наполняет холодный ужас. Прошел день, выжил, и хорошо. Напряжение. Точно ли наступит завтра? Слово «никогда» обретает свой настоящий, громадный смысл. В уме пульсирует затертое выражение «танец со смертью». Танцуешь то тут, то там по территории, обозначая себя: «Ку-ку, вот они мы». Провоцируешь противника, чтоб раскрыл себя, уворачиваешься от удара. Кураж. Пока придерживаешься абсурдных правил странного танца — живешь. Но это

неточно. Проходит время, и острое рвение выжить сменяется тотальной апатией, спокойным безразличием к жизни. Все выглядит издали, любое будущее воспринимается как неотвратимость. Идеальное состояние для солдата. Однако непродолжительный отдых или нахлынувшие воспоминания вновь возвращают страх. Внутренне я решил, что готов умереть. Но, блин, как хорош еще один день жизни. Из дома пришли известия, что меня ждут. Та самая дорогая женщина, с которой нарек детей. Странный привет от стареющей матери, не замеченной ранее в религиозности. Разве не захочется после такого жить? Хотя бы еще чуть-чуть. Хоть день. Я смотрел на боевых товарищей, задавался вопросом: неужели только у меня сводит морозом кишки от невыносимой неопределенности каждой следующей секунды? Ну ты, как Завадский, говорил кто-то. Мол, думать — привилегия, пехоте думать противопоказано.

Вообще, в коллективе бытовала присказка «спроси у Завадского» или «если что, поедешь к Завадскому». Воображение рисовало образ доброго, но решительного командира, знающего ответы на все вопросы. Не любит оружие, полагаясь на слово. «Смелый, как Завадский» — одно из самых частых выражений. Я еще не предполагал, как сильно на меня подействует знакомство с ним, поэтому не особо прислушивался. Но было заметно, Завадский оказывает на бойцов немалое влияние. Постепенно я стал считать его чем-то вроде замполита — все, что касалось идеологии, моральных ценностей, любви к родине, самопожертвования и бескорыстия, обычно отсылалось «к Завадскому». Отделение наше маленькое, я в коллективе недавно, можно было предполагать, что рано или поздно служба столкнет с ним, спешить было ни к чему.

Как-то я лежал на своей шконке в подвале, почитывая ленивый гугл-перевод «Жизни без свободы воли» Дерка Перебума, наделавшей когда-то много шума, пытаюсь найти изъян в его дьявольской аргументации. Мы не отвечаем за свои поступки, никто не отвечает за свои поступки — я отчаянно не желал соглашаться с этим. Неужели все вокруг — произвол бытия? Фронты, люди, руины городов, вереницы эшелонов — никто не ответственен. Не вини людей. Смирись и наблюдай. Ничего нельзя изменить. Мир предопределен, детерминирован. Неужели все бесполезно? Зашел боец, объявил: пора, мужики, отдых отменяется, поступили указания, всем к бате. Новость не сулила ничего хорошего. Мир очередной раз продемонстрировал презрение к моим планам. Идти так идти. От нас ничего не зависит. Командир кратко и взвешенно обозначил задачу. Да, опасно. Да, проникнуть далеко, очень далеко. Фронт двигается, нужно прошерстить крайние территории, атаковать первую линию, покошмарить бандер, пока не закрепились. Отмазки не принимаются. Вперед.

Хрустящая тишина палой листвы, ветреные одичалые поля и посадки, стук сердца, перекрывающий дыхание, фрагменты ландшафта, свидетельствующие о существовавшей развитой цивилизации. Где-то там, на насыпях бывшей донецкой кольцевой, меня вдруг осенило. Философ ошибся! Ключевой довод, аргумент удачи, опровергает себя! Да, случайный или произвольный выбор нельзя назвать проявлением свободы воли. Но само решение о произвольном выборе является волевым актом! Отказ от волевого решения — волевое решение. Опровержение оказывается доказательством! Тотальный детерминизм буксует перед равной альтернативой, ведет к буриданову ослу. Командир, стой!

— Я понял! Я знаю, мы можем. Можем. Не убивать. Не воевать. Этого всего могло и не быть, понимаешь? Ничто не предопределено. Это человеческий выбор. Мир не детерминирован! — шептал я ему в затылок.

Мы смотрели друг на друга. Выпученные глаза командира отражали мои, такие же.

— Знаю, знаю. Тихо ты. Он тоже. Но только... Знаешь... Теперь уже...

Чертюва жизнь. Почему мы не понимаем друг друга? Нам обоим до боли жаль собеседника. Пропасть. Он не понимает... Мы просто на разных языках... Наверное, в чем-

то Перебум прав. Мы не отвечаем за свои действия. Но не потому, что все predetermined, ничего подобного, а потому, что глупы. Дети, не просчитывающие последствий. Можно ли за это судить? Не знаю. А прощать?

С Завадским я познакомился очень просто. Спустя некоторое время снова был рейд на «нулевую». Где-то на дальних линиях, среди высокой травы и ветвей, не обнаружив никаких следов противника, мы лежали на земле, надеясь, что командир не погонит дальше. Но нет. Еще чуть вглубь. Надо. Вперед. Кое-что проверить.

Вскоре мы оказались возле одинокой стены какого-то разрушенного строения, поросшего плющом, лишаем, крапивой. Командир присел у стены, похлопал почву, поправил какую-то палку и тихо сказал:

— Ну вот.

Не сразу я разглядел крест из скрещенных палок, жестянку из-под патронов, служившую табличкой. На ней медицинским маркером было написано «Виктор Завадский» и дата смерти.

КАРАСИ

Прилет случается так. Короткий свист. Быстрый, опережающий предчувствие, хлесткий удар. Доли секунды, меньше, чем требуется мозгу на осмысление. Испугаться не успеваешь. Кто поопытней — врассыпную, как мальки в пруду. Не я. Какая-то секунда выпадает из летописи жизни. В памяти остается отголосок сильного удара, а сейчас лишь хруст осколков, чей-то сдавленный рев. Обнаруживаю себя уткнувшимся в асфальт. Грязь на зубах. Хрусь-хрусь. Мыслей в голове ноль. Оказывается, подмял под себя и случайного ребенка. Поднимаю на ноги. Женщина кричит на меня, бросается как куропатка, хотя я и не мог повредить. Скорее, пытался наоборот. Вырывает дитя, бьет ладонями по моим плечам и груди. С расширенными от ужаса глазами и воем вдруг начинает хлопотать у детской шеи. На воротничке кровь. Но резко утихает и всхлипывает, указывая на мою руку. У меня кровь. Надо же, и не заметил. Наверное, при падении. Растираю ладонью, усмехаюсь. Она пучит глаза и срывается на плач. Да успокойтесь. Откуда ей знать, что...

Это у отца была привычка перед новой работой чиркать инструментом по руке. Странное суеверие, ритуал. Мол, любое настоящее дело не обходится без крови, лучше принести жертву заранее. Не то обдерешь что-нибудь, порежешься сильно или палец прищемишь. Глупость, конечно, но работает, повторял он. На всякий случай. Лучше я себе чуток, чем ты поранишься, говорил. Так спокойней. Я криво улыбаюсь от этого воспоминания, которое сейчас кажется огромным и важным. А может, оттого, что жив. Или, так сказать, голову повредило. Просто радость. Просто порез. Ничего страшного. Женщина прижимает ребенка и скулит. Пережила сейчас поболее, чем я. Знает теперь что-то большое. Куда мне до нее.

Когда уезжал сюда, отец звонил. Он тогда заболел сильно. Пандемию пережил, а тут какая-то еще зараза, жар под сорок. Непонятно было, что хочет сказать. Голос какой-то ломаный. То об одном, то о другом. Дети, мол, у тебя такие хорошие, все такое. Виноград поздний в саду налился, самое время собирать. Я подумал, наверняка он звонит не просто так, что-то надо. Деньги? Нет. На всякий случай успокоил его, сказав, что поручил передать в деревню нужную запчасть для мотоцикла. Отец говорит, в курсе, правда, сотрудник еще не заезжал. Вот разозлюсь, говорит, тогда и позвоню тому, а так не хочу раззадориваться. Сказал еще что-то, хрипя и срываясь на петуха. Я не понял даже. Бать, ты что, плачешь? — не поверил я. Береги себя, сын, клоко-

тало из трубки. Да ладно ты, бать. Не надо хоронить друг друга. Жить нам еще и жить. Знаешь, что я тебе скажу насчет жить, отвечал он. Помнишь, прошлой осенью пересох оросительный бассейн за домом. Помнишь, ты еще ведром выбирал ил, мертвую рыбу, палые яблоки и все прочее. Потом я лопатой дочищал, скреб по бетону, ничего не осталось. Я ж точно помню. И знаешь что? Вчера выходил подышать, сидел возле. И два карася. На две ладони каждый. Откуда они взялись? Вот что значит жить и жить. Жажда жизни. Не поверишь, пока не видишь своими глазами, как цепляется и прорастает. Знай это, сын. Хочу, чтоб ты знал. Так что... Разговор кончился. Сунув телефон в карман, я тогда долго стоял еще, слушая ветер. Набрал сотруднику, который должен был передать в поселок отцу запчасть, и выкатил ему таких люлей, какие от меня редко исходят. Не знаю, что нашло. Просто хотел защитить. Вдруг понял, насколько отец меня любит. Сейчас, при мысли об этом, улыбка исказилась и неловко сошла. Женщина уже обхватила меня, уронила голову на грудь. Сотрясается вся. Тихо, тихо вы. Чувствую, как сыреет свитер. Бывает, ладно. Все нормально. Вон все вокруг тоже живы. Это ж удачно как вышло. Людное ведь место. Но та все плачет, уже почти без звука. И трясется, вздрагивает. Отца я так и не увидел. Если человек решил умереть, ничего уже не поделать.

БОГ ИЛИ КАК ЕГО ТАМ

Я ехал. Она положила ладонь вверх. Так всю дорогу до самой постели. Нет, я ничего такого. Хочу сказать, понял, мы связаны. Не знаю чем. Это как судьба. Рок. Она просто раньше меня это почувствовала. Я ведь тогда и не понял сразу, что произошло. Свист, бахает. Как сдувает что-то. Бац — уже валяешься враскоряку. Не понимаю, что где. В голове мешанина. Она, как фурия, носится. Совсем не такая была. Давай, кричит, давай. Что давать? Куда бежать? Потом сообразил — я по форме был, к кому ей еще обращаться? Ну и чего. Ничего. Багажник распахнул, побежал туда-сюда, сам уже ребятам моим кричу что-то, команду. На куртку стали мы его, этого. Укладывать, короче, но там уже мясо. Лет шестнадцать, наверное. Нет, не сын. Это позже понял. Я не доктор, конечно, но спасти было уже никак. А она все кричит: быстрее, быстрее, едем, едем! А у того артерия прям видно, как пульсирует. Можно сказать, еще живой был. Но конечно, уже все. Объяснять было бесполезно, она бы не поняла просто. Но ведь так и лучше. Что-то делать, чем стоять просто, смотреть. Вообще не знаю, как в таких случаях себя вести. Места в машине, естественно, не осталось, я ребятам махнул на распахнутой двери, сам погнался. На блокпостах, считай, и не тормозил, достаточно было назад показать. По Сосюры шпарю, а сам думаю, как мы его тащить будем, там же с проспекта метров пятьдесят по буеракам. Где-то есть заезд, но искать надо, время уйдет, я не был ни разу. Она пальцы сжала, кулачки аж белые, сама где-то не здесь, вперед взглядом сверлит, а у меня в голове: интересно, длинные у нее ногти или нет, не обратил внимания, ведь если так сжимать, можно и ладони проткнуть. Симпатичная она или нет? Не могу понять. А может, нас вообще не примут, госпиталь для военных, а гражданским куда-то не сюда. Тогда надолго с ней застряну. Надо, чтоб замолвил слово кто-нибудь. Есть тип один, вроде завхоза или администратора, но сам в глаза его не видел, другие что-то о нем говорили. Позывной странный — «Орхидея» или «Бабочка», что-то в этом роде, не могу вспомнить. Вот и госпиталь. Примерно прикинул, с ходу крутанул в объезд, точно — вон часовые, невдалеке остовы сгоревших «скорых». Тормозят. Гражданские? К кому, мол, откуда. Позывной «Колибри», говорю, все в курсе. Они только рацию к губам поднесли, я тронул, не ждал. И она так

с благодарностью на меня посмотрела. Повернулась, смотрит, будто только сейчас заметила, что рядом человек, тачка на ухабах раскачивается, а она меня рассматривает. Так и сидела, когда к крыльцу подогнал и из машины выскочил. Бойцы рядом спохватились за носилками, я багажник открыл, из здания уже выскочил этот «Колибри», а может, и кто-то другой, доктор, в общем. Тишина нездоровая. Никто не бегают, все стоят, молчат. Дверь хлопнула, это она из машины вышла, четыре шага глухо прошла, встала со всеми. Смотрим все в багажник, и мысли такие глупые, что вот надо же как вывернулось человеческое тело. Вообще, мертвецы здесь все время в неестественных позах, часто замечал. Может, мышцы отпускают натяжение, и тело гуттаперчевое становится, не знаю, живым так не изогнешься. Это, получается, в миру мы ложимся умирать, ровно все, чинно, без спешки, неплохо получается. А тут — как застанет. Все в жалких позах каких-то. На бегу, бывает, или сжавшись в комочек, или в немыслимом кульбите. А у этого и тела не видно, все навыворот. Ничего уже не пульсировало. Наконец кто-то спросил негромко: «Куда это ваще теперь?», «Колибри» махнул рукой в сторону, закурил, взял ее за локоть, отвел, стал записывать что-то. Я не слышал, помогал выгружать. Мешки у этих неплохие, крепкие, дерматиновые, даже если полный фарш, не вывалится, все будет на месте. У нас там из плотного полиэтилена, бывает, рвутся края, когда пальцами тянешь. Зато наших мешков много можно взять, места не занимают. Ну не знаю, что лучше. В общем, прямо с моей курткой и погрузили. Я в машину сел, ехать или нет, думаю. Помог, чем мог, больше не нужен. Сам стою, не заводусь. А в голове какая-то чушь. Просто устал видеть некрасивых людей. Несчастные некрасивы. Тем более женщины. И вот это выматывает. Как нехватка солнца, что ли... Вот села. Ничего не могу сказать. Спросил, куда дальше. Она махнула рукой, тронулись. Поехали. Вечерело вокруг, каждый думал о своем, и тут она свою ладонь на мою положила. Ничего не сказала. Я переключал скорости, ощущал ее пальцы, прижатые к моим, рулил вперед. Мысли не собирались в кучу. Так и ехали до ее дома. В квартиру поднялись, она за руку держала, спокойно, уверенно. Многоэтажка, как обычно. Электричества нет, фонарик в прихожей на полочке. Обувь ничьей, кроме ее. Скинули верхнее, показала пройти в комнату, там кровать только и мебель какая-то. Слышал, рюмка звякнула. Принесла самогона и мне. Не стал. Подумал, наши ищут уже, наверное. Связи все равно нет, не побеспокоит никто. Самое лучшее — лечь и закрыть глаза. Слышал, как гремела на кухне, газ включала, с духовкой возилась. Может, отравиться захотела или взорвать все? Побоялся мешать. Как можно мешать в такой момент? Пусть делает, что считает нужным. Просто доверился. Осточертело все. Потом пришла, легла рядом. Свернулась, спину под меня подоткнула. Я одеяло потянул, накрыл обоих, обнял, вроде теплее стало. Так и лежали. Не приставал совсем. Наоборот, боялся, чтоб не начался отчаянный разврат. Ну как бывает по пьяни. Мало ли, захочется ей отблагодарить или почувствовать себя неодинокой. Не знаю ведь, что у нее в голове. А я теперь не могу, чтоб деваха рот открывала, когда это самое. Вишь, после того, как видел их тела, когда заходишь в квадрат. Взрослые, юные. В подвалах, квартирах. Рты открыты. А крика нет... Когда это кончится, боюсь, долго догонять будет. Странно, ведь если все пройдет, наверное, и медальку дадут. За что, спрашивается. Ведь просто зритель, obsлуга, никакой не герой. Таких много, как я. Не бойцы даже. Винтики. Вот и медалька предусмотрена, чтоб молчать. Чтоб хотелось лгать, как геройствовал. Школьников соберут, а я отмахнусь, да ладно, дети, нечего тут рассказывать. Действительно нечего. А захочешь рассказать что угодно, то все равно ведь не объяснишь. Так, оказывается, с любыми словами. Вот, например, кот. Можно сказать, что это шерстистая плутоватая тварь с хвостом и ушами, но настоящий кот — это то, что урчит. Не думал об этом раньше, а тут подобрали одного. Ходит теперь по

располагае, как у себя. Кто ощущал, поймет, кто не видел, тому не объяснишь, бесполезно. А что такое страх? Так во всем. В общем, я лежал и не шевелился, такие мысли в голову лезли. Она затихла совсем. Согрелась вроде. Дрожь ушла. Понял, духовку зажгла для обогрева. Так местные делают, если газ есть. Кирпич кладут, чтоб накалялся. Надо потом пойти, газ выключить, кислород сжигается. Так и лежали. А дальше ничего не было. Засыпал ненадолго, включался, снова глядел в темноту. Может, это сон такой был. Идти некуда, комендантский час. Наедине со своими мыслями. Редко такое бывает. Обычно заботы какие-нибудь, планы. А тут просто лежал. Сейчас, когда думаю об этой ночи, кажется, ощущал покой. Только еще тревога какая-то и хрупкость. А все вместе будто даже что-то хорошее. Странно все. Теперь себя боюсь спросить. Точно знаю, нет никого ближе. Хотя б один человек на планете должен быть, с кем не надо слов. Лежал, боялся потревожить. Перед рассветом собрался, ушел. Она спала. Конечно, думаю теперь. Может, эта вся история не о прошлом, а про завтра. Сложится, не сложится, какая разница? Все равно не отвертись уже. Все уже случилось. Неотвратимо потому что. Я же знаю, вижу — кто не при делах, тому и прилетает. Только вот хочется спросить, почему так резко с судьбой происходит, шлеп, и все. Бестолково как-то. Рулетка, где даже барабан не крутишь. Но и спросить не у кого. Только поднять голову да крикнуть: эй?!

ШАФРАН, ТРОСТНИК И КОРИЦА

А давай достанешь гитару, сказала она, тыщу лет ведь уже... Была третья неделя, как вернулся, чувствовалось, стресс отпустил любимую, да и сам уже вполне вошел в обычный уклад. Только что уложили старшую, младшая, недавно оторванная от груди, липла к матери. Та, веселясь, отступала и раскачивалась, удерживая дистанцию. Ла-ла-ла, покажи, как танцуешь, ла-ла-ла. Доча тянула руки и сердилась, но поддавалась матери. Время будто отмоталось назад, в далекое прошлое: гибкий силуэт любимой, скромная обстановка съемного жилья, бокал на столике, ла-ла-ла, ла-ла-ла — она кружится и ускользает из моих рук, я щурюсь от неловкости и ловлю ее талию. Никакого вчера и завтра, только настоящий миг. Она танцует, когда переполняют чувства. Всегда млею в такие внезапные моменты. Вот и сегодня. Счастье. Только бы не вспоминать, что это где Айдар сливается с Донцом. Только не сейчас.

Может, немножко вина? Уже и забыл, что можно так просто налить себе стаканчик. Первые ноты пошли неловко, пальцы не сразу нащупали ходы, никак не всплывали заглавные слова. Голос осип за годы, что не пою, а может, огрубел от нескольких этих месяцев. Плохие сигареты, холодный воздух. Любимая стала подпевать сквозь улыбку, игриво морщилась, когда фальшивил. Давай, давай мою любимую, слышал я ее шепот сквозь зуд струн. Затянул на полную. Мелкая сначала напугалась неожиданной зычности, но теперь потихоньку притопывала, поглядывая на маму. Бокал быстро убавился. Жена с непривычки подрумянилась. Все-таки материнство, три года ни капли. Сетую на мои упавшие способности, она уже искала в телефоне нашу ленту треков, выверенную годами. Давай вместе, давай попоем, твердила она. Ноут выдал первые звуки, я приглушил свет. Здесь есть электричество.

«Ветер как ветер... несет нас опять по новому круууугу... чартерных рейсов... стаи людей направляются к юуууугу...» На одной руке ребенок, в другой вино. Кажется, опьянел, хотя не выпил еще и бокала. Губы сами вспоминают слова. Любимая обняла и покачивается вместе. Глаза совсем рядом. Родной запах. Тоже похудела. Появилась еле заметная сетка морщин. Вдруг понял, в моем плей-листе исключительно ино-

язычные, в ее — только наши. А ведь иногда необходимо петь. Есть такая потребность. Сам-то не так давно ехал на уазике по ухабистой, безлюдной грунтовке и вопил во весь голос гимны юности, срываясь на петуха и давясь от неожиданных, непонятных слез. Очень странно. Получается, бывает, переполнен, и нужно выплеснуть, но нет слов. А все песни мира — про это. В каждой — сценарий жизни. Вот не знал, а она будто знает. Напевала что-то во все моменты, которые хочется вспоминать. Или все моменты, которые хочется вспоминать, случались, когда она пела? Моменты. Прошлые, будущее. Скомканная бумажка, испещренная знаками, узорами фрагментов событий. Плывет песня, длится танец. Несвязанные события и воспоминания причудливо соприкасаются, оказываются совмещенными. Вот уже я совсем мальчишка, подкатываю к ней, такой весь деловой. Отвергла, конечно. Но уже тогда все знала. Небось знает и сейчас. Выписывает рисунки в пустоте между клавиш вокал Маши Чайковской, снаружи липнут на окно снежинки, укрывая от внешнего мира, медленно тают. Здесь отопление.

Пора уже укладывать малышку. Лицом к лицу, обнявшись, вдвоем медленно кружим по комнате, шепча или вытягивая вверх свои формулы жизни. На словах Басты «голосами их детей» что-то произвольно надломилось, глаза увлажнились. Жена прижалась лбом к моему. Где-то далеко хлопнула петарда. Еще одна. Вероятно, петарда. Чему еще здесь хлопать? Конечно, петарда. Наверняка. Наверное. Скорее всего.

— Ты же больше не поедешь туда? — спрашивает, глядя в глаза.

Молчу. Не знаю, что отвечать. Что тут сказать? Боюсь только, чтоб не заиграла Земфира, у нее сплошь расставания. Любимая покачивается, не отводит взгляд, ждет.

— Правда же, не поедешь?

Долго танцевали, набухая от слез. Песня длилась и длилась.